

А. С. Ищенко

К вопросу о происхождении прозвищ древнерусских князей

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10004

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о происхождении и семантике прозвищ древнерусских князей. Отмечается, что большинство прозвищ было дано князьям не современниками, а потомками. В историографии господствует точка зрения, согласно которой княжеские прозвища сочинялись в быту, указывая на свойства характера, доблести, те или иные физические особенности их носителей. «Бытовую» версию сложно, однако, признать универсальной. Некоторые княжеские прозвища имеют книжные параллели и, скорее всего, являются заимствованными из литературы, составлявшей круг чтения древнерусских летописцев.

Ключевые слова: Древнерусские князья, княжеские прозвища, некрологические характеристики, Новгородская Первая летопись, Степенная книга, круг чтения.

Об авторе: **Александр Сергеевич Ищенко**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

Ссылка на статью: Ищенко А. С. К вопросу о происхождении прозвищ древнерусских князей // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 57–73.

A. S. Ischenko

On the Issue of the Origin of Kievan Rus Prince's Nicknames

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10004

Abstract: The article is dedicated to the issue of the origin and semantics of Kievan Rus prince's nicknames. It is shown that most part of the nicknames were given to the princes not by contemporaries, but descendants. According to the predominant historiographical point of view, prince's nicknames were composed in private life and showed general characters, valor, and different physical characteristics of their possessors. However, it is difficult to admit this version as universal. Some of the nicknames have parallels in literature, and were probably borrowed by Kievan Rus chroniclers from their sphere of reading.

Keywords: Kievan Rus princes, prince's nicknames, necrological characteristics, obituary characteristics, the First Novgorod chronicle, sphere of reading.

About the author: **Aleksandr Sergeevich Ischenko**

PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies of the Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of Don State Agrarian University.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

Article link: Ischenko A. S. On the Issue of the Origin of Kievan Rus Prince's Nicknames. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 57–73.

Одной из актуальных и весьма интересных проблем современной исторической науки является выявление внутреннего смысла прозвищ, которыми были наделены известные исторические личности, получавшие широкую известность, в том числе и благодаря этим прозвищам.

Проблематикой имен и прозвищ в настоящее время интересуется целый ряд историков и филологов, в силу чего она выходит на междисциплинарный уровень. Значительные успехи достигнуты в деле постижения принципов имянаречения князей Рюриковичей¹, немало работ посвящено и происхождению княжеских прозвищ². Однако если с именами все более или менее, благодаря исследованиям последних лет, стало ясно, то в отношении прозвищ этого сказать все же нельзя. Трактовки их порой существенно разнятся. Затрудняет проблему понимания княжеских прозвищ и то, что их происхождение рассматривается зачастую между прочим, в контексте изучения биографии того или иного князя, оказываясь в прямой зависимости от взглядов историка на деятельность своего героя. Не способствует в этой связи лучшему уяснению природы княжеских прозвищ и само рассмотрение их каждого в отдельности, ведь многие из них встречаются в одних и тех же текстах, что практически не учитывается. Между тем, сопоставление прозвищ древнерусских князей как между собой, так и с прозвищами, бытовавшими в других культурах, позволит, как представляется, взглянуть на проблему более широко и выявить разного рода нюансы, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

Цель настоящей работы — опираясь на совокупный историографический опыт и используя метод компаративистики, попытаться определить внутренний смысл некоторых прозвищ древнерусских князей и наметить дальнейшие пути в их изучении.

Среди древнерусских князей, которых мы знаем почти исключительно с прозвищами, находятся Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий Темный и ряд других. Однако лишь единицы из этих прозвищ были даны их носителями современниками (Мономах и, возможно, Боголюбский). Да и то, Мономах — это, строго говоря, не прозвище, а родовое имя матери Владимира, родственницы византийского императора Константина IX Мономаха. Оно было у князя с рождения и прозвищем в собственном смысле слова считаться не может. Владимир сам писал в начале своего «Почтения»: «Азь худый, дедомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василии, русьскимъ именемъ Володимирь, отцемъ възлюбленнымъ и матерю своею Мьномахы»³. Из этих слов, как замечал С. М. Соловьев,

¹ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

² Вилкул Т. Л. Мстислав Храбрый — к происхождению эпитета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 14; Горский А. А. Русское Средневековье. М., 2010. С. 127–134 (Глава 8. Княжеские прозвища); Заграевский С. В. К вопросу о происхождении прозвища князя Андрея Боголюбского и названия города Боголюбова. <http://www.rusarch.ru/zagraevsky36.htm> (дата обращения 15.05.2019); Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193; Ричка В. Ярослав Володимирович Галицкий: чому «Осмомисл»? // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. VI. Київ, 2007. С. 345–350; Рычка В., Ищенко А. О прозвании Юрия Владимировича Долгорукого // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. XIV. Київ, 2017. С. 217–224.

³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 240; Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и ком. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 2007. С. 98.

«видно, что Мономах не был прозванием, но именем, данным при рождении, точно таким же, каким были Владимир и Василий. Ярослав хотел назвать первенца внука от любимого сына Владимиром-Василием в честь отца своего; отец и мать — Мономахом в честь деда по матери, императора греческого; естественно, что Всеволод гордился происхождением сына своего от царя»⁴. Что же касается прозвища Андрея Юрьевича, то, по аргументированному мнению С. В. Заграевского, и оно изначально таковым не являлось, а представляло собой «вполне обычное почетное титулование князей», звучавшее как «Боголюбивый» / «Боголюбимый», «Христоролюбивый» / «Христоролюбимый». «В каких-то случаях, — пишет исследователь, — оно могло быть эпизодическим, в каких-то — постоянным, но главное — обычным и общепринятым. И когда Андрей совершил столь впечатляющий поступок, как заложение в течение одного 1158 года города, двух церквей (Рождества Богородицы и Покрова на Нерли) и Успенского собора во Владимире, вряд ли современники могли обойтись без такого титулования»⁵. Учитывая, впрочем, подчеркиваемую в летописях нарочитую религиозность Андрея, сопутствующую ему удачу на поле брани и т. п., С. В. Заграевский предполагал, что как до, так и после 1158 г. применение к нему эпитетов «Боголюбивый» или «Боголюбимый» было «еще более употребительным, чем в отношении других князей». Лишь в дальнейшем, по мнению исследователя, «наличие основанного князем Андреем города Боголюбова... не могло не способствовать тому, что почетный титул “Боголюбивый”, “Боголюбимый” и, соответственно, “Боголюбский” превратился в прозвище, закрепился за князем на много столетий и нашел отражение в его “Житии”»⁶. Именно благодаря последнему, написанному в начале XVIII в., собственно, и утвердилось мнение о том, что князь был назван Боголюбским по своей резиденции, отстроенной под Владимиром-на-Клязьме, в который Андрей перенес столицу своего княжества⁷.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 677, прим. 93. Высказывались, впрочем, и иные мнения. Д. С. Лихачев в своих комментариях к академическому изданию «Повести временных лет» отмечал: «Мономах, конечно, не имя, а прозвище: “прирок” (прозвищем) называет его и Ипатьевская летопись под 1124 г.» (ПВЛ. С. 516). Ссылка на Ипатьевскую летопись дана им, однако, ошибочно. Под указанным им годом термин «прирок» в ней не встречается. Находим его только под 1223 г., когда, восхваляя воинскую доблесть Мстислава Немого, бросившегося во время битвы на Калке на помощь Даниилу Галицкому, летописец замечал, что был он «муж крепок понеже ужика (родственник. — А. И.) сый Роману от племени Володимирия прироком Мономаха» (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 744; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Когляра. СПб., 2005. С. 90). Но в данном случае мы имеем дело с достаточно поздней трактовкой, когда подлинное значение именованного «Мономах» могло быть забыто. Согласно выводу Г. К. Валева, «антропоним Мономах на русской почве воспринимался, как и его греческий прообраз, только как родовое прозвание» (Валева Г. К. О родовом прозвании Владимира Всеволодовича Мономаха // Вопросы ономастики. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 120). Об этом, по ее мнению, свидетельствует его употребление в составе антропонимов наследников Владимира Всеволодовича. Так или иначе, но, учитывая использование именованного Мономах на вислой печати, найденной в 1960 г. на новгородском Городище («Печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха»), его понимание как прозвища следует исключить.

⁵ Заграевский С. В. К вопросу о происхождении прозвища князя Андрея Боголюбского и названия города Боголюбова.

⁶ Там же.

⁷ Автор новейшего жизнеописания Андрея Боголюбского А. Ю. Карпов, в частности, отмечал, что именно по названию основанного им города Боголюбова «Андрей и получил то прозвище, с которым он вошел в историю, — Боголюбский» (Карпов А. Ю. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 133).

На деле же, согласимся с С. В. Заграевским, наименование резиденции и прозвище князя, скорее всего, находятся в прямо противоположном соотношении: первая была названа по второму, а не наоборот. Склоняются к этой точке зрения и авторы исторического портрета князя, помещенного в «Русско-украинском историческом разговорнике», В. Ю. Аристов и И. Н. Данилевский⁸.

Все остальные упомянутые выше прозвища возникли спустя столетия после смерти князей. В древнерусских летописях встречаются в основном не прозвища, а так называемые «некрологические характеристики». Так, старший сын Владимира Мономаха Мстислав Владимирович в посмертной похвале в Киевском своде XII в. был назван «Великим». Летописец при этом сравнивал Мстислава с его отцом Владимиром Мономахом и «великими» именовал обоих: «се бо Мьстиславъ великий и наследи отца своего потъ Володимера Мономаха великого. Володимеръ самъ собою постоя на Доноу, и многа пота оутерь за замлю Роускоюу, а Мьстиславъ моужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу за Гиик, и тако избави Богъ Роускоюу землю от поганыхъ»⁹. Традиция добавления к имени Мстислава прозвища «Великий» была, по мнению В. В. Долгова, заложена В. Н. Татищевым, который писал: «Он (то есть Мстислав. — А. И.) был великий правосудец, в воинстве храбр и доброразпорядочен, всем соседем его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен. Во время его все князи русские жили в совершенной тишине и не смел един другаго обидеть»¹⁰.

Сообщая о кончине другого Мономашича — Андрея, летописец назвал его «добрым»: «Тое же зимы (1141 г. — А. И.) преставися благоверный и христолюбивый князь добрый Андрей Володимеричъ, Переяслави, месяца генваря въ 22 день; а въ третий межю деся... похороненъ у святаго Михаила»¹¹. Близкую природу имеет и прозвище «Удалой» или, точнее, «Удатный» по отношению к князю Мстиславу Мстиславичу, применявшееся к нему в историографии начиная с С. М. Соловьева¹². В посмертной характеристике Мстислава в Галицко-Волынской летописи отмечалось: «Потомъ же Мьстиславъ великыи оудатный князь оумре»¹³. Комментируя это сообщение, А. А. Горский справедливо замечал, что «Удатный» здесь «не является прозвищем. Хотя это определение и стоит в тексте ниже имени, относится оно не к нему, а к последующему слову “князь”... Таким образом, перед нами единичное определение, констатация, что Мстиславу в жизни сопутствовала удача»¹⁴.

Для древнерусской эпохи княжеские прозвища были, таким образом, не характерны. Прозвищами современники наделяли в основном бояр, которых было гораздо больше, чем князей, и которых необходимо было как-то различать. Например, воевода киевского князя Владимира Святославича носил прозвище Волчий Хвост. Некий галичанин Олекса звался Орешек, боярин Вячеслав (тоже из галичан) — Толстым, а «муж» Даниила Галицкого Константин — Положишило¹⁵.

⁸ Аристов В., Данилевский И. Андрей Боголюбский: «первый великоросс» // Русско-украинский исторический разговорник. Опыт общей истории. М., 2017. С. 35.

⁹ Ипатьевская летопись. Стб. 303–304.

¹⁰ Долгов В. В. Мстислав Великий // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 27. Ср.: Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т.: Т. 2, 3. История Российская: Репринт с изд. 1963–1964 гг. М., 1995. С. 143.

¹¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 309.

¹² Горский А. А. Русское средневековье. М., 2010. С. 133.

¹³ Ипатьевская летопись. Стб. 752; Галицко-Волынская летопись. С. 94.

¹⁴ Горский А. А. Русское Средневековье. С. 134.

¹⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 751, 725, 835; Галицко-Волынская летопись. С. 94, 81–82, 131.

По поводу трактовки княжеских прозвищ существуют различные мнения, но чаще всего полагают, что они сочинялись в быту, указывая на свойства характера, доблести, те или иные физические особенности, увечья и т. п. Выделяют также поссесивные (или владельческие) прозвища. Очень часто при этом, объясняя значение того или иного прозвища, историки упускают из виду тот факт, что практически все они возникли значительно позже времени жизни своих владельцев, о чем свидетельствует достаточно поздняя их фиксация в источниках. Можно, конечно, полагать, что позднейшая традиция донесла прозвища, данные князьям в более раннее время, но это соображение представляется маловероятным.

Большинство княжеских прозвищ в целом выглядят достаточно прозрачными. Это Ярослав Мудрый¹⁶, Всеволод Большое Гнездо¹⁷, Александр Невский¹⁸, Семен Гордый¹⁹,

¹⁶ Основанием для возникновения прозвища Ярослава могла послужить статья Ипатьевской летописи 1037 г., в которой он был назван «премудрым князем», способствовавшим распространению христианства и грамотности (Ипатьевская летопись. Стб. 139–140). Позднее, в Степенной книге он был дважды назван «богомудрым» (Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. СПб., 1908. С. 168, 172). Последнее наименование применялось, однако, не только к Ярославу. «Богомудрым» в Степенной книге назывался, в частности, и его отец Владимир (Книга Степенная царского родословия. С. 92). Первым же, кто назвал его Мудрым, был, по наблюдению А. А. Горского, Н. М. Карамзин (*Горский А. А. Русское Средневековье*. С. 133). Однако это не совсем верно, ибо Карамзин лишь писал, что «Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудраго» (*Карамзин Н. М. История государства Российского*. Т. II. СПб., 1818. С. 40). Закрепление в массовом сознании за князем прозвища «Мудрый» вернее относить «к последней трети XIX — началу XX в., к периоду интенсивного развития школьного образования, благодаря известным учебным текстам И. И. Беллярминова, С. Ф. Платонова и др.» (*Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Забытый Золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава — переосмысление XIX — начала XXI в.* // *Русин*. 2016. № 4 (46). С. 29).

¹⁷ Этот князь имел 12 детей (8 сыновей и 4 дочери), что, впрочем, в то время не было какой-то редкостью. Данным ему прозвищем, как отмечал А. В. Сиринов, «подчеркивался факт восхождения к нему целого ряда княжеских удельных династий начала XV в.» (*Сиринов А. В. О прозвищах древнерусских князей* // *Петербургский исторический журнал*. 2017. № 2. С. 187).

¹⁸ Прозвище Александра Ярославича традиционно связывается с его победой в 1240 г. над шведами на реке Неве. И. Н. Данилевский, однако, обратил внимание на то, что с таким же прозвищем в поздних источниках, в частности, в одном из списков конца XVII в. «Повести о начале Москвы», упоминаются и сыновья Александра, к Невской битве отношения явно не имевшие. В этой связи ученый выдвинул предположение, что «прозвище Невский не было связано с победой Александра над шведами. Скорее (по крайней мере, в данном случае), речь идет о поссесивном прозвище» (*Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*: Курс лекций. М., 2001. С. 192).

¹⁹ По мнению Н. С. Борисова, этот князь «отличался дерзостью и каким-то оскорбительным для окружающих высокомерием. За него-то он и получил прозвище — Гордый» (*Борисов Н. С. Иван Калита*. М., 2005. С. 278. Ср.: *Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XIV вв.* // *Средневековая Русь на международных путях XIV–XV вв.* / Сост. Л. И. Шохин; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1992. С. 33–34). Впервые с прозвищем Гордый мы его встречаем, однако, по наблюдению А. В. Сиринова, только в Степенной книге (*Сиринов А. В. О прозвищах древнерусских князей*. С. 188). Согласно В. Н. Татищеву, «сей князь великий Симион Гордый наречется, зане не любяше крамолы и неправды, но вся обличаемья наказуя» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений*: В 8-ми т.: Т. 5, 6. История Российская: Репринт с изд. 1965–1966 гг. М., 1996. С. 106).

Иван Красный²⁰, Дмитрий Донской²¹, Василий Темный²² и ряд других. Однако при внимательном изучении может оказаться, что вполне очевидные, на первый взгляд, прозвища являются не столь и очевидными. Даже, казалось бы, столь прозрачное по своему значению прозвище «Храбрый», с которым в историю вошел князь Мстислав Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича, вовсе необязательно свидетельствовало о его личной храбрости. Прежде всего, следует заметить, что в повествующих о его делах Ипатьевской и Лаврентьевской летописях этого прозвища мы не встречаем. Впервые, по наблюдению Т. Л. Вилкул, оно фиксируется в Новгородской первой летописи младшего извода, причем не в самом тексте летописи, а во внелетописной статье «А се князи великаго Новагорода»,

²⁰ Данное прозвище трактуется либо как мягкий, людям «красивый», либо же — как обладавший исключительной внешностью, красотой. Н. С. Борисов, впрочем, предложил иное объяснение. Прозвище «Красный», по его мнению, указывало на время рождения Ивана — Фомино воскресенье, именовавшееся в народе Красной горкой (*Борисов Н. С. Иван Калита. С. 138*). Закрепляется прозвище за Иваном Ивановичем, однако, только со времен В. Н. Татищева (*Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. История Российская. С. 106*).

²¹ Причины обретения Дмитрием Ивановичем прозвища «Донской» историки единодушно видят в его победе над войском Мамай в битве у Дона на Куликовом поле в 1380 г. Впервые оно упоминается в составленной в 20-х гг. XVI в. Никоновской летописи, причем, как заметил А. В. Сиренов, «лишь в тех случаях, когда идет речь о княгине Евдокии-Ефросинии, которая характеризуется как жена и вдова Дмитрия Донского». Эта особенность позволила историку предположить, что «прозвище “Донской” придумали не сами составители Никоновской летописи, оно существовало и ранее» (*Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 188*). А. Е. Петров полагал, что свое историческое прозвище Дмитрий Иванович обрел при Василии III (*Петров А. Е. «И свеча загорелась сама собой...»*). Память о Куликовской битве в идеологии Российского государства XV–XVI веков // *Родина. 2003. № 12. С. 103*). Любопытно вместе с тем, что прозвище «Донской» в ранней традиции применялось не только к Дмитрию, но и, как обратил внимание И. Н. Данилевский, к другому герою Куликовской битвы — Владимиру Андреевичу Серпуховскому. «Во всяком случае, — писал историк, — так упоминается двоюродный брат Дмитрия Ивановича в духовной грамоте Ивана Грозного» (*Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 304–305*).

²² Принято считать, что основанием для такого прозвища стало увечье — ослепление в ходе феодальной войны второй четверти XV в. (*Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 53; Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 111*). Однако, как подметил Н. С. Борисов, «на языке того времени слова “темный” и “слепой” не были абсолютно тождественны. Они различались своим содержанием... “Слепой” — это всего лишь обозначение физического недостатка. В XV в. известно несколько князей и бояр, носивших прозвище “Слепой”. Но нет ни одного, кроме Василия II, кого бы называли “Темным”. Это имя звучит как проклятье. Но в нем же — отзвук жалости и прощения» (*Борисов Н. С. Иван III. М., 2006. С. 8*). Г. В. Вернадский выводил прозвище Василия II от слова «темник» и связывал с приходом татар вместе с ним на Русь (*Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 328*). Однако о том, что современники называли Василия II «Темным», нам не известно. Впервые данное прозвище фиксируется в значительно более позднее время (*Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 190, прим. 10*). Помимо упомянутых в этой связи А. В. Сиреновым исторических трудов В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, можно указать и на написанную около 1715 г. А. И. Манкиевым книгу «Ядро Российской истории» (Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым. М., 1770. С. 149). Кроме того, с прозвищем «Темной» Василий Васильевич фигурирует в летописце «Начало православных государей», написанном почерком второй половины XVII в. (*Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 97*).

где находим целый ряд подобных эпитетов: «Мстиславъ Безъокыи; а по том Красный Ярославъ, внукъ Юрьевъ... Мьстиславъ Храбрыи Ростиславличъ... Александръ Храбрыи»²³.

Применение эпитета «Храбрый» по отношению к Александру Ярославичу, одержавшему победы над шведами на реке Неве в 1240 г. и ливонскими рыцарями на льду Чудского озера в 1242 г., вопросов не вызывает. Но почему храбрым был назван Мстислав Ростиславич? За ним, как подметила Т. Л. Вилкул, «никаких особых геройств... не числятся, хотя в Киевском своде летописец Ростиславичей всячески старался выделить (или даже присочинить) его подвиги»²⁴. По наблюдению украинской исследовательницы, на получение Мстиславом такого эпитета могла повлиять Александрия Хронографическая, где храбрость — слово, вообще достаточно редкое для летописей — связывалась с образом Александра Македонского²⁵. Вполне возможно в этой связи, что возникновением своего прозвища Мстислав был обязан уподоблением его книжником Александру Македонскому. Подтверждением этому может служить буквальное текстуальное заимствование из Александрии в описании смерти Мстислава. Речь идет о сцене, где перед умирающим Александром проходят воины и один из них говорит: «добре же бы и намъ с тобою умрети, створшему макидонъ великую свободу». В Киевском своде после смерти Мстислава «мужи» его плачут: «добро бы ны господине с тобою умрети, створшему толикую свободу новгородцем от поганных»²⁶.

Не все так просто и с прозвищем Юрия Долгорукого. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, оно восходит к летописанию XV в.²⁷ В родословных статьях «Кто колико княжилъ» и «А се князи русьстии», читающихся перед Комиссионным списком Новгородской Первой летописи младшего извода, Юрий назван сначала «Долгая Рука» (причем дважды) и собственно «Долгоругыи»²⁸. Только начиная с этого времени, данное прозвище постепенно закрепляется за князем.

Мотивацию его обретения исследователи, как правило, усматривают в настойчивых устремлениях суздальского князя дотянуться из далекого Залесья своими загребущими руками до киевского юга²⁹. Добывание киевского стола и вправду составляло для Юрия едва ли не основное содержание его политической жизни. Однако данное обстоятельство, как представляется, не было решающим аргументом в выборе северо-восточными книжниками прозвища для этого князя. Примеры подобных, чисто

²³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 471.

²⁴ Вилкул Т. Л. Мстислав Храбрый — к происхождению эпитета // ДРВМ. 2005. № 3 (21). С. 14.

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Цит. по: Вилкул Т. Л. Мстислав Храбрый — к происхождению эпитета. С. 14.

²⁷ Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 7. С. 55, прим. 4; Пчелов Е. Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. III. Київ, 2004. С. 71; Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2007. С. 102; Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 186.

²⁸ НПЛ. С. 465, 466, 467.

²⁹ Кучкин В. А. Юрий Долгорукий. С. 55; Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. С. 102–103. Еще В. С. Иконников полагал, что прозвание Юрия «Долгоруким» может быть «равносильно выражению, употребленному аб. Сугерием относительно его старшего современника Людовика VI: Scitur enim regibus longas esse manus (Известно, что у королей длинные руки. — А. И.)» (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 1. Киев, 1908. С. 857, прим. 5). Данную мысль, возникшую во времена Людовика Толстого, Ф. Гизо объяснял тем, что «королевская власть представляется тогда умам всеобщей властью, имеющей везде право и могущей всюду достать» (Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Т. III. Лекции XXXI–XLV. М., 2006. С. 195).

умозрительных прозвищ, в Древней Руси неизвестны. Да и стремление Юрия стать киевским князем было отнюдь не удивительно³⁰.

Высказывавшееся в литературе мнение о связи происхождения прозвища князя с его конкретной физической особенностью — непропорционально большими руками или слишком длинными пальцами³¹ — каких-либо материальных оснований не имеет³² и представляет собой не более чем догадку.

Более вероятной представляется версия о книжном происхождении прозвища Юрия Владимировича. Давно было подмечено, что в хронографических сочинениях, с которыми русские книжники были хорошо знакомы, прозвище «Долгорукий» носил персидский царь Артаксеркс I³³. Первым, кто сопоставил прозвища Юрия и Артаксеркса, был Н. М. Карамзин, приписавший, однако, свое наблюдение почему-то М. М. Щербатову³⁴. В дальнейшем оно было поддержано и развито А. С. Орловым, который, в частности, утверждал, что «некоторые древнерусские прозвища несомненно переведены с греческого; например, Юрий “Долгорукий”. В византийской хронике Амартола Артаксеркс назывался “Макрохейр”, т. е. Долгорукий»³⁵. Никаких аргументов для обоснования этой точки зрения А. С. Орлов, однако, не приволил. Поэтому в историографии она до последнего времени оставалась маргинальной.

³⁰ Юрий был первым сыном Владимира Мономаха от второго брака, что, по словам В. А. Кучкина, «давало ему определенные права — если не юридические, которые в средневековье не очень-то и соблюдались, ибо нормы поддерживались реальной военной силой, то по крайней мере моральные — претендовать на наследство отца» (Кучкин В. А. Юрий Долгорукий. С. 36. Ср.: Баловнев Д. А. Борьба за недоступный Киев. Юрий Долгорукий и великокняжеский престол // Русь Киевская — Русь Московская: Сб. ст. по итогам конференции «Мономаховичи и восточнославянская государственность. Роль Юрия Долгорукого в историческом процессе». М., 2003. С. 15–16).

³¹ Пчелов Е. В. Рюриковичи. История династии. М., 2001. С. 110; Сухарев Ю. В. Юрий Владимирович Долгорукий // Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 142–143.

³² Найденные в 1989 г. в ходе раскопок некрополя церкви Спаса на Берестове останки, которые в прессе тут же были объявлены останками Юрия Долгорукого, до сих пор не идентифицированы. Приписывание их Юрию во многом является произвольным (Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. Киев, 2001. С. 132–134; Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. С. 370–372; Ивакин Г. Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // Российская археология. 2008. № 2. С. 112–117). Некоторые исследователи, тем не менее, находят основания для их отождествления с Юрием Долгоруком, обращая при этом внимание «на необычно длинные фаланги пальцев рук» (Балакин С. А. Некрополь церкви Спаса на Берестове: история исследования и современные проблемы // Русь Киевская — Русь Московская. С. 138–139).

³³ См.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. I: Текст. Пг., 1920. С. 198, 285; Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 236; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. 3. С. 119; Летописец Елинский и Римский. Т. 1. Текст / Под ред. О. В. Творогова. СПб., 1999. С. 73; Вилкул Т. Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. VI. Київ, 2007. С. 389.

³⁴ Как писал Н. М. Карамзин, «кн. Щербатов думал, что Георгия в нравственном смысле назвали Долгоруким или Долгою Рукою (подобно персидскому царю Артаксерксу) за его алчность к приобретению» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1818. С. 220). Однако М. М. Щербатов писал только о возможной связи прозвища с алчностью Юрия: «Данного ему наименования Долгорукого я нигде причины не обретаю, чтобы то от какого не совершенства телесного происходило, и тако, мнится мне, что всегда оказуемое им желание все к себе заграбить, могло причину к сему наименованию подать» (Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 253).

³⁵ Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII вв. М.; Л., 1945. С. 68.

Отрицая возможность книжного происхождения прозвища Юрия, А. Ю. Карпов, в частности, писал, что оно «накрепко прилепилось к князю» еще при его жизни. Основанием так считать для него послужило присутствие данного прозвища «во множестве памятников, начиная уже с XVI века, — причем не только новгородских, но и московских, тверских, ростовских»³⁶. Причины же отсутствия его в более ранних источниках, более-менее современных Юрию, А. Ю. Карпов оставил без объяснения.

А. В. Сиринов, напротив, признал, что прозвище Юрия Долгорукого имеет позднее происхождение. Однако и он в этом вопросе не встал на позицию Н. М. Карамзина и А. С. Орлова, предпочтя ей «обращение к широко распространенной в то время практике сочинения прозвищ в быту». Согласно его предположению, «в прозвище “Долгая рука” / “Долгие руки” термин “рука” означает некие властные полномочия, а слово “долгий” употреблено в смысле “значительный”. “Долгая рука” здесь — человек, обладающий большой властью. Автору статьи “А се князи рустии” было важно подчеркнуть значительность основателей династии. Прозвище Владимира Мономаха вполне соответствовало этой задаче, следовало и для его сына сочинить нечто подобное»³⁷. Впрочем, А. В. Сиринов признавал, что предложенное им толкование прозвища Юрия Долгорукого носит «предварительный и даже гадательный характер, этот вопрос нуждается в обстоятельном изучении». Наблюдения исследователя касаются к тому же только таких форм прозвища князя как «Долгая рука» и «Долгие руки». Форма же «Долгорукий», то есть Долгорукий, как он и сам признавал, «возможно, имеет книжное происхождение»³⁸.

Версию о литературном происхождении прозвища Юрия сбрасывать со счетов, таким образом, не приходится. Именно она представляется наиболее вероятной, лучше всего отвечающей характеру древнерусского историописания, опиравшегося на библейские тексты и тексты переводных греческих хроник³⁹. Однако, если попытаться определить вероятные мотивы переноса на князя прозвища персидского царя, то окажется, что кроме своего прозвища «Долгорукий», Артаксеркс более не вызывает иных качеств, которые бы сближали его с Юрием⁴⁰. Так, согласно данным источников, Артаксеркс был мудрым и добрым правителем, отличавшимся щедростью, а кроме того — прекрасной внешностью и воинской доблестью⁴¹. О добродетелях же Юрия летопись высказывается довольно сдержанно. Даже сообщая о его смерти, летописец не сложил ему обычной похвалы. Памятным стал лишь «обед силен», устроенный Юрием в 1147 г. во время встречи со своим союзником Святославом Ольговичем и его сыновьями в Москве⁴².

³⁶ Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. С. 102.

³⁷ Сиринов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 187.

³⁸ Сиринов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 187.

³⁹ См. напр.: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.); *Его же*. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; Петрухин В. Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 93–112; Вілкул Т. Літопис і хронограф. Ступі з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.

⁴⁰ См.: Рычка В., Ищенко А. О прозвании Юрия Владимировича Долгорукого // *Ruthenica*. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. XIV. Київ, 2017. С. 217.

⁴¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х томах. Т. 2. М., 1994. С. 506, 522; Плутарх. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 341; Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. М., 1992. С. 85; Страбон. География. М., 1994. С. 682.

⁴² Ипатьевская летопись. Стб. 339–340.

Только много позднее, под влиянием религиозно-политических идей, сложившихся в кругу московских книжников XV–XVI вв., историческая память о Юрии Долгоруком, претерпев определенную трансформацию, получила иную, более благоприятную для князя окраску. Возможно, в этой связи, создавая образ милостивого и щедрого («что имаше в своих руках раздающе нуждавшим») князя Юрия Владимировича — предка московских правителей, положившего «начало Московскому царствию», — московские книжники-историографы и вдохновлялись примером «доброго и щедрого» царя Артаксеркса I Долгорукого, который позволил священнику и книжнику Ездру отправиться из Вавилона в Иерусалим и дал ему «все по желанию его, так как рука Господа, Бога его, была над ним» (Езд 7:6). Артаксеркс издал указ, повелевавший Ездру на все собранное серебро и золото, «которое царь и советники его пожертвовали Богу Израилеву, Которого жилище в Иерусалиме» купить «волов, овнов, агнцев, и хлебных приношений к ним и возлияний для них, и принести их на жертвенник дома Бога нашего в Иерусалиме» (Езд 7:15–17). Благодаря такой щедрости Артаксеркс упоминается в одном ряду с Кирием и Дарием в книге Ездры (Езд 6:14) как тот, чье расположение способствовало строительству «дома Божия» в Иерусалиме, хотя фактически храм был построен при Кире и Дарии.

Уподобление Юрия Артаксерксу Долгорукому могло быть скрыто и в указании на превосходство князя над своими старшими братьями. Седьмой сын Владимира Мономаха, по мнению составителей Степенной книги, «истинный же наследник отечеству Русьскаго царствия... аще и не въ Киеве тогда начальствуя, но въ Суждале господствуя и въ Ростове, честию же преспеявая паче всехъ старейшихъ во братии своей, паки же и Киевскую державу приять»⁴³. Эта «честь» могла выражаться не только во владельческом достоинстве кратковременного обладателя киевского великокняжеского престола, но и в «добродетели» князя, предполагаемом величии его духа и поступков, сопоставимых с качествами персидского царя Артаксеркса I Долгорукого⁴⁴.

Весьма любопытным является и прозвище Калита (от слова, обозначавшего кошель, сумку для денег⁴⁵), с которым в историю вошел внук Александра Невского московский князь Иван Данилович. «В прозвище московского князя, — писал М. Н. Тихомиров, — порой готовы видеть какую-то иронию. Мошна — вот что могли сказать современники или ближайшие потомки об Иване Даниловиче, как полунасмешливо-полузавистливо отзываются люди о богатых и одновременно скопидомных хозяевах». Но прозвищу московского князя, как замечал историк, «придавалось и более благоприятная окраска, изображающая его благотворителем, всегда носившим сумку с деньгами для раздачи бедным»⁴⁶. Именно этой последней М. Н. Тихомиров и отдавал предпочтение, ссылаясь на упоминания в поздних источниках о щедрости Ивана Калиты. В житии преп. Пафнутия Боровского, написанном в XVI в., в частности, прямо отмечалось: «нарицаху его Калитоу сего ради: Бе бо милостивъ зело и ношаше при поясе калиту всегда насыпану сребряницъ и куда шествуя даыше нищим сокла вымется»⁴⁷. Однако, справедливости ради следует заметить, что этот же самый памятник содержит некоторые основания и для противоположной трактовки прозвища князя. Речь идет об ответе нищего, который упрекнул Ивана Калиту за жадность: «Ты несытый зеницы, и zde царствуеши, и тамо хошеши

⁴³ Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. С. 190.

⁴⁴ Подробнее см.: Рычка В., Иценко А. О прозвании Юрия Владимировича Долгоруким. С. 220–221.

⁴⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4. С. 195.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 27.

⁴⁷ Цит. по: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 27.

царствовать»⁴⁸. Источники, таким образом, не дают однозначного ответа на вопрос, почему Иван Данилович был прозван Калитой. Историки же, как правило, отдают предпочтение той трактовке, которая в большей степени отвечает их «идейной ориентации»⁴⁹. Н. С. Борисов полагает, например, что прозвище это «дано было Ивану за доброту и сострадание к несчастным». Несколько его «иронический оттенок» убеждает его в том, что «оно родилось в народе, а не выдуманно придворными книжниками. Подобно тому, как Александр Невский остался в памяти народа как храбрый, а Иван IV как грозный правитель, — так Иван Данилович стал в ней символом правителя доброго. Именно так его и называет один древний источник — Иван Добрый... Первое прозвище, Калита, вытеснило второе благодаря своей оригинальности и звучности. Но, в сущности, они обозначают одно и то же. В историю Руси он по праву должен войти как Иван Добрый»⁵⁰.

И. Н. Данилевский, напротив, пишет об Иване Калите как правителе, который «не прославил себя практически ни единым добрым делом»⁵¹. Под его пером он предстает, прежде всего, в качестве участника карательного ордынского похода на Тверь 1327 г., правителя, которого нельзя «попрекнуть... излишним человеколюбием или жадой “положить душу свою за многыя душа”». Поэтому историку не верится в легенды: «не милосердием сохранял авторитет Иван Калита, а жесточайшим корыстолюбием. Только оно давало возможность выжить и победить»⁵². Непосредственно на происхождении прозвища «Калита» И. Н. Данилевский, однако, не останавливался. Н. С. Борисов же, уделяя этому вопросу внимание, исходил из того, что прозвище пристало к Ивану Калите «очень рано», то есть восходит ко времени его жизни, а не является позднейшим домыслом. К такому же мнению в свое время склонялся, рассматривая прозвище «Калита», и М. Н. Тихомиров. Согласиться с ними мы, однако, не можем.

Как и прозвище «Долгая Рука», «Долгорукий», оно впервые встречается в родословных статьях, помещенных перед комиссионным списком Новгородской первой

⁴⁸ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XIV вв. С. 27. По оценке В. О. Ключевского, «это тонкая хвала в грубой форме: нищий хотел сказать, что князь милостыней, нищелюбием старается заработать себе Царство Небесное» (Ключевский В. О. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1998. С. 362). На эту же «едва уловимую нотку осуждения», нарушавшую «обычай рисовать иконописный портрет», позднее обращали внимание Л. В. Черепнин и А. Л. Юрганов (Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 516; Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М., 1991. С. 59). По мнению А. Л. Юрганова, «Иван Данилович был назван Калитой, вероятнее всего, за богатство... Время, в котором жил Иван Калита, не располагало к особой щедрости: нужно было умудриться остаться богатым и после очередного задабривания ордынского хана. Причем — самым богатым» (Юрганов А. Л. У истоков деспотизма. С. 59–60).

⁴⁹ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 256–257, 261–266.

⁵⁰ Борисов Н. С. Иван Калита. С. 34, 178–179. Под «древним источником», в котором Иван Данилович фигурирует с прозвищем «Добрый», имеется ввиду НПЛ, в которой в одном из родословных перечней отмечалось: «А Данилеи роди Ивана Доброго, иже исправи Русскую землю от татей, от разбойникъ, ото всякого мятежа» (НПЛ. С. 561). Забегая вперед, заметим в этой связи, что прозвище «Добрый» оказывается ничуть не древнее прозвища «Калита».

⁵¹ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 256.

⁵² Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 266. Ср.: Юрганов А. Л. У истоков деспотизма. С. 60.

летописи. Последняя по филиграммам надежно датируется серединой XV в.⁵³, то есть временем спустя более столетия после смерти Ивана Даниловича. Вообще нужно сказать, что именно в этих статьях мы впервые встречаем и другие известные княжеские прозвища, являющиеся, несомненно, вымышленными. Помимо Мстислава Храброго, о котором речь шла выше, это Всеволод Великое Гнездо, Александр Невский и целый ряд других. Примечательно при этом, что Александр Ярославич назван и Невским, и Храбрым, что, как и в случае с разными вариациями прозвища Юрия, очевидно, свидетельствует о неустойчивом характере прозвища, а значит — и недавнем его появлении. Награждены прозвищами оказались и сыновья Александра, поименованные по стольным городам их княжений — Даниил Московский, Дмитрий Переяславский, Василий Костромской, Андрей Городецкий. Все эти прозвища, как заметил А. В. Сиренов, «весьма характерны. Три из них образованы по одному принципу: Долгая Рука, Великое Гнездо, Калита». Это, по мнению исследователя, «свидетельствует о одновременном их появлении, а именно о том, что они были вымышлены автором статьи “А се князи рустии”, который решал важную для своего времени идеологическую и историософскую задачу утверждения династии московских князей»⁵⁴. Учитывая это, сложно представить, чтобы прозвище «Калита», как и «Долгая Рука» или «Великое Гнездо», имело негативную окраску⁵⁵. Как мы помним, согласно житию преп. Пафнутия Боровского, Иван Калита получил свое прозвище благодаря якобы присущей ему исключительной щедрости и нищелюбию. Аналогичным же образом в одной из поздних редакций «Повести о начале Москвы» было прокомментировано и прозвище Юрия Долгорукого, который стал прозываться так будто бы потому, что «зело был из отрочества своего милостив и податлив ко всем своим безпомощным своею десницею, аще что имяше в руках своих, то все раздаеше требующим»⁵⁶.

Роднит прозвища Юрия Долгорукого и Ивана Калиты еще один факт — существование им книжных параллелей. Если прозвище «Долгорукий» было знакомо новгородскому книжнику, прежде всего, из Хроники Георгия Амартола, то прозвище «Калита» он мог встретить на страницах Библии. Так в ней прозывался один

⁵³ Можно попытаться и уточнить датировку. А. В. Сиренов на основании упоминания в статье «А се князи рустии» князя Ивана Васильевича, сына великого князя Василия Дмитриевича, умершего в 1417 г., но фигурирующего еще в качестве наследника московского княжения, предложил датировать ее десятилетием между 1406 и 1417 гг. (Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 186. Подробнее см.: *Его же*. Сказание о верных святых князьях русских и внелетописная статья «А се князи рустии» // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 162–164).

⁵⁴ Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей. С. 187–188. Заметим, что подобного рода творчество имело место не только в русской исторической традиции. По наблюдению А. В. Мартынюка, изучавшего исторические труды австрийского историка конца XV в. Ладислава Сунтхайма, последний в своих «Клостернойбургских таблицах» снабдил прозвищами целый ряд правителей австрийских земель, с которыми они впоследствии стали известны в исторической традиции Австрии: «Леопольд Добродетельный», «Генрих Жестокий», «Фридрих Воинственный» и др. (Мартынюк А. В. Ладислав Сунтхайм: конструирование династии и «русские сюжеты» // *Studia historica Europae orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 5. Минск, 2012. С. 134).

⁵⁵ Следует к тому же иметь в виду, что те детали, которые историками Нового и Новейшего времени оцениваются отрицательно, современниками вполне могли оцениваться иначе.

⁵⁶ Повести о начале Москвы / Исследование и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 197. По мнению А. Ю. Карпова, данная трактовка прозвища Юрия Долгорукого имеет своим источником объяснение прозвища Ивана Калиты, также фигурирующего в повестях и сказаниях о начале Москвы (Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. С. 384, прим. 77).

из Левитов, глава рода (Неем 10:10), поучавший Закону Господа и читавший перед народом Закон Господа, объясняя притом чтение (2 Езд 9:23, 48).

Прозвище московского князя могло пониматься, таким образом, не только буквально, но и символически⁵⁷. Основы такого понимания деятельности Ивана Калиты были заложены, по-видимому, еще им самим. В записи на так называемом Сийском Евангелии, написанном в 1340 г., незадолго до смерти великого князя, «повелением» чернеца Анании (монашеское имя Ивана Даниловича), содержится наиболее развернутая и интересная оценка подобного рода. Среди прочего в заслугу Ивану Калите в Похвале ставится забота о распространении православия, строительство церквей, борьба с ересями и покровительство духовенству: «...в то бо время благочестию велию восиавши, многимъ ствѣтымъ церквамъ съзидаемымъ, оучьнию божественныхъ словесъ от оустъ иего иако источнику велию текущую, напаяющи благочестивыхъ святитель сердца, и христоролюбивахъ въ иего державе люди. Безбожнымъ иересамъ преставшимъ при иего державе, ...любви святительскыи санъ, постничьскоие житїе любя и оудержае правоверную святую вероу. Сирымъ в бедахъ помощник, вдовици от насилник изимая яко от уст лвов»⁵⁸. Примечательно, что в Похвале он предстает не только царем, но и апостолом. Вся деятельность Ивана Калиты, как подмечал в этой связи Н. С. Борисов, «была проникнута пафосом Священного Писания»; князь «всю жизнь ощущал себя Божиим избранником, призванным исполнить провиденциальную миссию... Свою государственную деятельность он понимал как апостольское служение»⁵⁹. Добавим к этому, что так ее понимать мог не только сам князь, но и древнерусские книжники, приложившие немало сил для легитимации власти дома Ивана Калиты над русскими землями. Венцом этих усилий следует признать Степенную книгу, в которой он предстает как «благородный, Богомъ избранный приемникъ и благословенный наследникъ благочестивыя державы боголюбиваго царствия Русьския земляя великий князь Иванъ Даниловичъ, рекомый Калита, внукъ блаженнаго Александра — десятый степень отъ святого и равноапостольнаго Владимирера перваго, отъ Юрика же третийнадесять»⁶⁰. На протяжении всего повествования о нем, Иван Калита выступает здесь в качестве «благочестия держателя», «боголюбиваго великаго князя... православиемъ сияюща и богоугодно живуща и всякими добрыми делы украшена и милостива до нищихъ и честь велию подавающа служителямъ святыхъ Божиихъ церквей и техъ учению внимающа»⁶¹.

Таким образом, прозвища древнерусским князьям давались, как правило, не современниками, а потомками. Одна из первых попыток их изобретения была предпринята в начале XV в. в родословных статьях, читающихся в Новгородской Первой летописи младшего извода. Присутствие в этих статьях целого ряда прозвищ наводит на мысль, что они возникали не стихийно, а именно изобретались, причем в виде некоего целостного комплекса, в соответствии с создаваемой исторической концепцией. В историографии XVI–XIX вв. традиция изобретения прозвищ древнерусских князей была продолжена. В силу довольно позднего возникновения большинства из них, сложно согласиться с распространяемым в историографии представлением,

⁵⁷ Не будем забывать, что средневековый текст был, как отмечал И. Н. Данилевский, «обязательно полисемантически по своей сути. Кроме буквального он имел еще, по меньшей мере, три смысла: аллегорический, моральный и символический. Но их могло быть и больше — до нескольких десятков» (*Данилевский И. Н. Повесть временных лет*. С. 140).

⁵⁸ *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // *Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб., 1995. С. 235–236; *Борисов Н. С.* Иван Калита. С. 292–293.

⁵⁹ *Борисов Н. С.* Иван Калита. С. 275.

⁶⁰ Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. С. 315.

⁶¹ Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. С. 316.

что в основной своей массе прозвища отражали реальные черты характера или физические особенности. Более вероятным представляется, что, по крайней мере, некоторые из них имеют книжное происхождение. Поиски княжеским прозвищам параллелей в литературе, составлявшей круг чтения летописца и его потенциального читателя, представляются весьма перспективными и должны быть продолжены.

Источники и литература

1. Аристов В., Данилевский И. Андрей Боголюбский: «первый великоросс» // Русско-украинский исторический разговорник. Опыт общей истории. М.: Новое издательство, 2017. С. 31–49.
2. Балакин С. А. Некрополь церкви Спаса на Берестове: история исследования и современные проблемы // Русь Киевская — Русь Московская: Сборник статей по итогам конференции «Мономаховичи и восточнославянская государственность. Роль Юрия Долгорукого в историческом процессе». М.: Фонд духовной культуры и образования «Новая Русь» — Издательство «Планета-2000», 2003. С. 134–141.
3. Баловнев Д. А. Борьба за недоступный Киев. Юрий Долгорукий и великокняжеский престол // Русь Киевская — Русь Московская: Сборник статей по итогам конференции «Мономаховичи и восточнославянская государственность. Роль Юрия Долгорукого в историческом процессе». М.: Фонд духовной культуры и образования «Новая Русь» — Издательство «Планета-2000», 2003. С. 15–21.
4. Борисов Н. С. Иван Калига. М.: Молодая гвардия, 2005.
5. Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006.
6. Валеева Г. К. О родовом прозвании Владимира Всеволодовича Мономаха // Вопросы ономастики. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 116–126.
7. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997.
8. Вилкул Т. Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. VI. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 366–396.
9. Вилкул Т. Літопис і хронограф. Стуїї з домонгольського київського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015.
10. Вилкул Т. Л. Мстислав Храбрый — к происхождению эпитета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 14.
11. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005.
12. Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Т. III. Лекции XXXI–XLV. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006.
13. Горский А. А. Русское Средневековье. М.: Астрель: Олимп, 2010.
14. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004.
15. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001.
16. Долгов В. В. Мстислав Великий // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 26–47.
17. Заграевский С. В. К вопросу о происхождении прозвища князя Андрея Боголюбского и названия города Боголюбова. <http://www.rusarch.ru/zagraevsky36.htm> (дата обращения 15.05.2019 г.)

18. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
19. *Ивакин Г. Ю.* Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // *Российская археология*. 2008. № 2. С. 107–117.
20. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 1. Киев, 1908.
21. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. Т. II. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
22. *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. I: Текст. Пг., 1920.
23. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. СПб., 1818.
24. *Карпов А. Ю.* Андрей Боголюбский. М.: Молодая гвардия, 2014.
25. *Карпов А. Ю.* Юрий Долгорукий. М.: Молодая гвардия, 2007.
26. *Ключевский В. О.* Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
27. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. СПб., 1908.
28. *Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ, 1992.
29. *Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // *ВИ*. 1996. № 7. С. 35–56.
30. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
31. *Летописец Елинский и Римский.* Т. I. Текст / Под ред. О. В. Творогова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
32. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.
33. *Мартынюк А. В.* Ладислав Сунтхайм: конструирование династии и «русские сюжеты» // *Studia historica Europae orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*: науч. сб. Вып. 5. Минск, 2012. С. 129–141.
34. *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // *Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб., 1995. С. 233–242.
35. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
36. *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
37. *Петров А. Е.* «И свеча загорелась сама собой...». Память о Куликовской битве в идеологии Российского государства XV–XVI веков // *Родина*. 2003. № 12. С. 99–103.
38. *Петрухин В. Я.* История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // *Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения* / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Вост. лит., 2003. С. 93–112.
39. *Плутарх.* Изречения царей и полководцев // *Плутарх*. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. С. 340–386.
40. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1994.
41. Повести о начале Москвы / Исследование и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л.: Наука, 1964.
42. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007.
43. *Пчелов Е.* Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // *Ruthenica: Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи*. Т. III. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. С. 68–79.
44. *Пчелов Е. В.* Рюриковичи. История династии. М.: Олма-Пресс, 2001.
45. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Забытый Золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава — переосмысление XIX — начала XXI в. // *Русин*. 2016. № 4 (46). С. 26–39.
46. *Рычка В., Ищенко А.* О прозвании Юрия Владимировича Долгоруким // *Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи*. Т. XIV. Київ: Інститут історії України НАН України, 2017. С. 217–224.

47. Ричка В. Ярослав Володимирович Галицкий: чому «Осмомисл»? // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. VI. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 345–350.
48. Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.
49. Сиренов А. В. Сказание о верных святых князьях русских и внелетописная статья «А се князи русстии» // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 162–172.
50. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1990. Т. 3.
51. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1991. Т. 4.
52. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2 / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988.
53. Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.
54. Сухарев Ю. В. Юрий Владимирович Долгорукий // Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси IX–XIII вв. М.: Вече, 2006. С. 142–146.
55. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 2, 3. История Российская: Репринт с изд. 1963–1964 гг. М.: Ладомир, 1995.
56. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 5, 6. История Российская: Репринт с изд. 1965–1966 гг. М.: Ладомир, 1996.
57. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XIV вв. // Средневековая Русь на международных путях XIV–XV вв. / Сост. Л. И. Шохин; Под ред. С. О. Шмидта. М.: Московский рабочий, 1992.
58. Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 234–243.
59. Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
60. Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. Киев: Видавничій Дім «Альтернативи», 2001.
61. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
62. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771.
63. Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М.: Политиздат, 1991. С. 34–75.
64. Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым. М., 1770.